

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₁₉₎
ОСЕНЬ — ЗИМА
2013

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- «Хилйат ал-куттаб» («Талисман для *каاتبов*»): секреты мастерства средневековых *каاتبов*. Вступление, перевод с персидского яз. и комментарии *Б.В. Норика* 5
- «Диван» курдского поэта Джафаи (XIX–XX вв.) на диалекте горани. Транскрипция текста, образцы перевода *З.А. Юсуповой* 18
- Тангутский погребальный обрядник из собрания тангутского фонда ИВР РАН. Предисловие и перевод *К.М. Богданова* 44

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосровев*. Еще раз о ПᲚᲠᲟᲠ (ЕвИуд) 33.18–21) 56
- Р.В. Ким*. Логии в синоптических Евангелиях. Постановка проблемы 62
- А.Б. Куделин*. «Коллективный иснад» как фактор композиции «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама 75
- М.М. Юнусов*. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди I. Пальмирские тексты в Риме в XVI в.: кардиналы-меценаты и ученые-антиквары 100
- М.Е. Кравцова*. О семантике названия трактата «Вэнь синь дяо лун» Лю Се 126
- И.С. Гуревич*. «Сутра Шестого Патриарха»: ресурсы грамматической стилистики 137
- С.Л. Невелева*. Древнеиндийский эпос «Махабхарата»: некоторые особенности содержания 148

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- А.К. Муминов*. Списки «Ката'иб а'лам ал-ахйар»: новые сведения для биографии и творчества Махмуда ибн Сулаймана ал-Кафави 159
- Ф.О. Нофал*. К вопросу о «конфессиональной» коранической текстологии: между «буквой» и «[вариантом] прочтения» 177
- М.С. Пелевин*. Топонимика и локализация действия в афганской племенной хронике (XVII–XVIII вв.) 182

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2013

	<i>И.Н. Медведская.</i> Копьеносец из Сялка: прямоугольные щиты на Древнем Востоке	192
	<i>Чжан Хуэймин.</i> Изображение горы Утайшань в пещере № 61 и его отражение в тексте «Оды горе Утайшань» (на французском языке)	203
	КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ	
	<i>С.М. Якерсон.</i> Еврейская средневековая книга в форме свитка. К постановке проблемы научного изучения	233
	<i>Валравенс Хартмут.</i> Японские книги из коллекции Вильгельма Грубе, приобретенные им в 1897–1898 гг. (на немецком языке)	240
	<i>Пэн Сян-цзянь, Ю.С. Мыльникова.</i> Китайское тангутоведение в начале XXI века	257
	НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
	<i>М.М. Юнусов.</i> Чтения, посвященные памяти О.Д. Берлева	266
	<i>И.Ф. Попова.</i> «Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки». Международная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения академика С.Ф. Ольденбурга	271
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Средний Восток в годы Второй мировой войны. К 70-летию Тегеранской конференции (28.11.1943 — 01.12.1943)»	276
	<i>Д.А. Носов.</i> Международный конгресс «Фольклор монгольских народов: историческая действительность» (Элиста, Калмыкия, 2–5 октября 2013 г.)	279
	<i>М.А. Редина.</i> Конференция, посвященная 85-летию чл.-кор. РАН, д.и.н. М.А. Дандамаева	282
	<i>А.В. Зорин, А.А. Сизова.</i> Вторые петербургские тибетологические чтения	284
	<i>А.И. Колесников, О.А. Воднева, З.А. Юсупова.</i> Международная конференция «Чтения памяти В.Ф. Минорского (1877–1966): Источниковедение и историография стран Ближнего и Среднего Востока»	287
	<i>И.В. Кульганек.</i> XIII Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»	292
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Династия Романовых и Восток. (К 400-летию Дома Романовых)»	295
	<i>К.Г. Маранджян.</i> Международная конференция «Азия и японская идентичность»	300
	<i>Т.В. Ермакова, Е.П. Островская.</i> Седьмые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга	303
	<i>С.Л. Бурмистров.</i> 30-я конференция по философской компаративистике «Компаративная история философии как научное познание и художественное творчество».	306
	РЕЦЕНЗИИ	
На четвертой сторонке обложки:	Наука и буддизм: материалы научной конференции с участием иностранных ученых (Улан-Удэ–Байкал: 6–8 июля 2012 г.). Сборник докладов / Гл. ред. Б.В. Базаров / Учреждение РАН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии». — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. — 304 с. (<i>И.В. Кульганек</i>)	310
Тангутский погребальный обрядник инв. № 4084 (к статье К.М. Богданова)	Монголика-Х: Сб. ст. / Ред. колл.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова — СПб.: Петербургское Востоковедение. 2013. — 144 с. (<i>М.П. Петрова</i>)	313
Над номером работали:	<i>Michail Rodionov, Hanne Schönig.</i> The Hadramawt Documents, 1904-51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Beirut, Ergon Verlag Würzburg, 2011. — 342 p. (Beiruter Texte und Studien. Hrsg vom Orient-Institut Beirut. Bd 130) (<i>И.В. Герасимов, О.Б. Фролова</i>)	315
Т.А. Аникеева	<i>А.И. Колесников.</i> Сасанидский Иран: История и культура. СПб.: Нестор-История, 2012. — 520 с. (<i>Ю.А. Иоаннисян</i>)	319
Г.Е. Ковтунович		
А.А. Ковалев		
О.В. Мажидова		
О.В. Волкова		
А.Е. Танчарова		
Е.А. Пронина		
© Российская академия наук, 2013	IN MEMORIAM	
© Институт восточных рукописей РАН, 2013	Александр Степанович Мартынов (1933–2013) (<i>И.Ф. Попова</i>)	322

М.М. Юнусов

**Из истории дешифровки западносемитского письма:
события и люди****I. Пальмирские тексты в Риме в XVI в.:
кардиналы-меценаты и ученые-антиквары***

Статья представляет собой начало серии очерков, посвященных основным этапам становления в Европе западносемитской эпиграфики. На широком историко-культурном фоне здесь рассматривается судьба одной греческо-пальмирской билингвы, высеченной на мраморном барельефе и опубликованной в сборнике Я. Грутера «*Inscriptionum Romanarum*» в 1616 г. (Pl. LXXXVI). В середине XVI в. этот барельеф хранился в личной коллекции кардинала ди Карпи в Риме. Тогда же этот памятник привлек к себе внимание известных ученых, антикваров и путешественников.

Ключевые слова: пальмирское письмо, история эпиграфики, ди Карпи, Альдрованди, Буассард, Липсий, Сметий, Монте Кавалло.

«Первая северосемитская надпись была опубликована в начале семнадцатого века. Это была греческопальмирская билингва, найденная в Риме, недалеко от Porta Portuensis, которую опубликовал Ян Грутер (1560–1627) в 1616 г. в своем *Inscriptionum Romanarum corpus*. Он ограничился лишь прорисовкой и описанием памятника, и так как прорисовка пальмирского текста была очень плохой, он лишил других возможности его дешифровать»¹.

С момента выхода в свет хрестоматийной работы М. Лидзбарски «*Handbuch der nordsemitischen Epigraphik*», в которой автор представил подробную библиографию по этой теме с 1616 по 1896 г., прошло много лет, и в настоящее время начало главы о становлении в Европе «северосемитской» эпиграфики нуждается в некоторых пояснениях и дополнениях. Прежде всего отметим, что это была не первая, а уже третья публикация билингвы. Кроме того прорисовка билингвы сделана была не Я. Грутером, что тот и отмечает в кратком комментарии к рисунку, а М. Сметием, в 1645–51 гг. К этому же времени относится и первое описание мраморного барельефа, на котором высечена билингва. Это описание было сделано У. Альдрованди около 1555 г. для каталога античных статуй и было повторено позднее Ж.-Ж. Буассардом в его топографическом описании Рима². Однако бесспорно, что именно упомянутая

* Выражаю свою благодарность С.Р. Тохтасьеву и Н.О. Чехович за внимательное прочтение рукописи статьи и высказанные замечания и предложения.

¹ «Die erste nordsemitische Inschrift wurde im Anfange des siebzehnten Jahrhunderts publiziert. Es war dies eine griechisch-palmyrenische Bilinguis, die in Rom in der Nähe der Porta Portuensis gefunden worden war, und die Jan Gruter (1560–1627) im Jahre 1616 in seinem *Inscriptionum Romanarum corpus* herausgab. Er beschränkte sich darauf, das Monument abzubilden und zu beschreiben, und da die Abbildung des palmyrenischen Textes sehr schlecht war, nahm er auch anderen die Möglichkeit ihn zu entziffern» (Lidzbarski, 1898, S. 89).

² Эти факты также не отмечены в работах Ж.-Ж. Бартеlemi и А. Хартмана, к которым отсылает М. Лидзбарски.

**Bulla Reformationis. S. D. N. dñi
Leonis. X. Pont. Max. Sacro ap-
probante Concilio edita. Lecta in
Nonā Sessione Per Reueren: Pa-
trem dominum Archiep̄m Neapoli-
tanum in Sacrosancta Lateranen:
Basilica solemniter celebrata: Ulti-
mate impressa.**

Рис. 1.

Булла 1514 года

М. Лидзбарски публикация стала основой для первой попытки, абсолютно неудачной, дешифровки «северосемитского», или, точнее, западносемитского, письма в первой трети XVII в. С. Пети. За этой неудачей последовала оживленная многолетняя переписка просвещенных людей Европы, несколько трудных и опасных экспедиций в конце этого века в поисках дополнительных эпиграфических данных в самой Пальмире. Новые надежды и разочарования. И, наконец, триумф — убедительная дешифровка пальмирского, а затем и финикийского письма в середине XVIII в. Ж.-Ж. Бартеlemi и Дж. Свинтоном.

Но получается, что более полувека истории этого барельефа с билингвой (с середины XVI в. до 1616 г.) выпадает из курса «Истории северо-семитской эпиграфики», хотя в этот период памятник был тесно связан с людьми, чьи имена вписаны золотыми буквами в историю позднего Ренессанса и европейской науки. Очевидно, что без кардинала-мецената ди Карпи, эрудита-естествоиспытателя У. Альдрованди, блестяще-

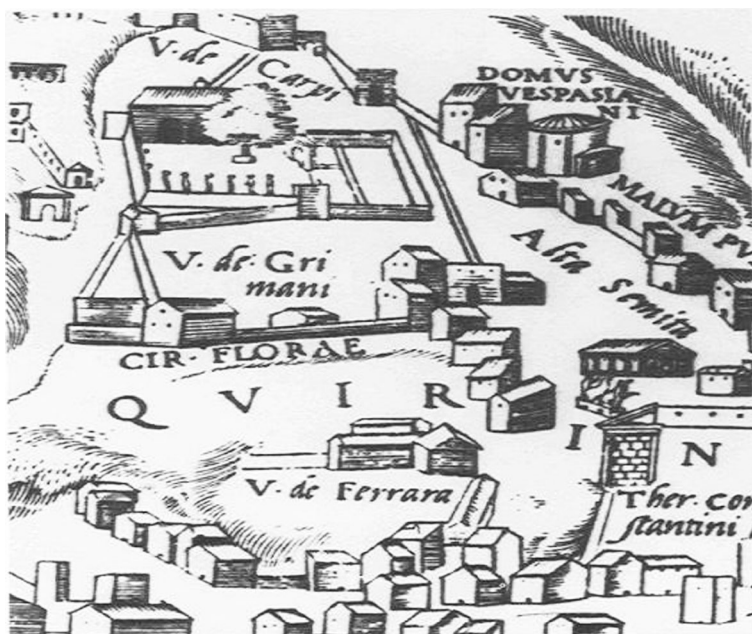

Рис. 2.

Вилла ди Карпи (вверху рисунка прямоугольный двор и, вероятно, скульптуры вдоль забора, а справа, перед входом в термы Константина, конная группа). Фрагмент карты П. Лигорио, 1552

го историка и филолога, человека трагической судьбы М. Сметия, философа, историка и гуманиста Ю. Липсия, поэта и антиквара Ж.-Ж. Буассарда эта «История» была бы неполной. Да и сам феномен «открытых» частных римских коллекций для публики, проявившийся после папской буллы 1514 г. — *Supernae dispositionis arbitrio*³, постановившей, что «дом кардинала должен быть открытым приютом, гаванью и прибежищем для благовоспитанных, образованных, главным образом, мужей, а также обедневших знатных и добродетельных людей»⁴, может также считаться полноправным участником нашей «Истории», которая, как это нередко бывает, началась со случайной находки (рис. 1).

На западной окраине Рима, недалеко от античных *Porta Portuensis* (Портовые ворота) был найден мраморный барельеф⁵. На нем были изображены два божества, Солнца и Луны, стоящие в портике храма, по обе стороны от дерева (кипариса?).

³ Булла-декрет о реформе церкви принята 5 мая 1514 г. на девятой сессии V Латеранского собора (XVIII Вселенского, 1512–1517). Пять сессий собора прошли при папе Юлии II, а после его смерти, с 1513 г., семь сессий при новоизбранном Льве X Медичи. Текст буллы сначала вышел отдельным изданием в 1514 г., а затем в составе сборника всех решений собора в 1521 г.

⁴ «...cum domus cardinalium patens hospitium portus que ac refugium proborum et doctorum maxime virorum et pauperum nobilium honestarum que personarum esse debeat» — *Bulla reformationis S.D.N.D. Leonis X. P.M. Sacro approbante Concilio edita. Lecta in IX sessione. In Sacrosancta Lateranen. MCXIII* (без стр., в главе *de Cardinalibus*). Также см.: Mansi, 1947, col. 879. О папской булле и V Латеранском соборе см.: Pastor, 1908, vol. VIII, p. 348–413.

⁵ Эти ворота были снесены в 1644 г. по приказу папы Урбана VIII. Новые, *Porta Portese*, сооружены чуть севернее. От этих ворот начиналась *Via Portuence*, ведущая к морскому порту Portus.

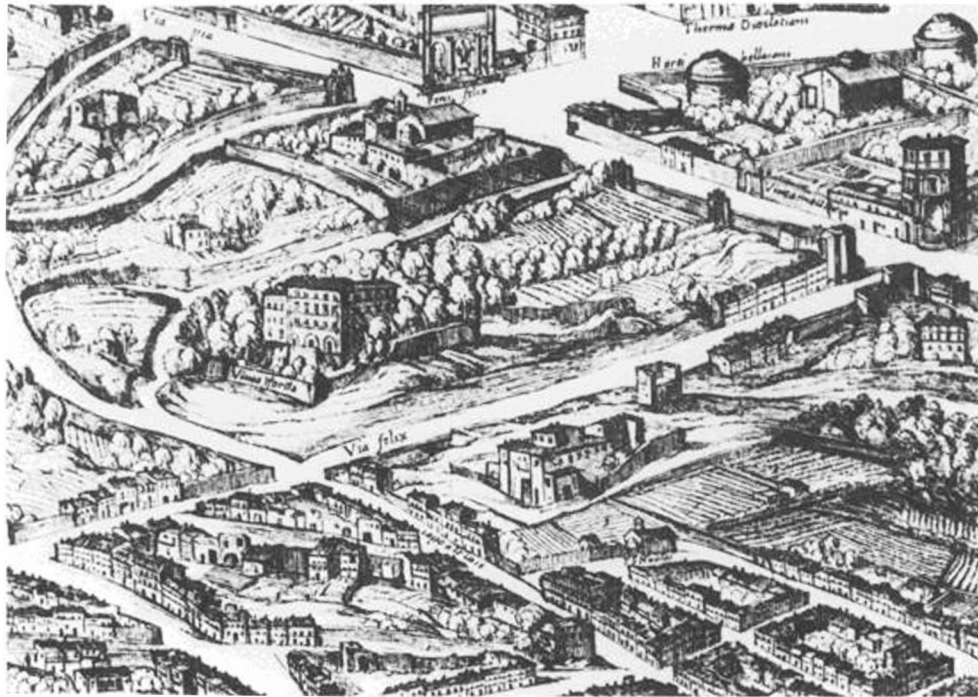

Рис. 3.
Вилла А. Сфорца/ди Карпи
(на переднем плане, с обширным садом).
Фрагмент карты А. Темпеста, 1593

Внизу, на фундаменте здания, были высечены две надписи: одна на греческом, а вторая на неизвестном восточном языке. Время и обстоятельства находки барельефа неизвестны, а что касается происхождения, то полагают, что он был перевезен из Пальмиры во времена императора Марка Аврелия и, возможно, был установлен в храме семитского божества Малакбела, который находился недалеко от *Porta Portuensis* в первые века нашей эры и служил святилищем римским воинам, выходцам из Пальмиры. На надписи, в греческой версии, указана дата создания барельефа — 547 г. селевкидской эры, что соответствует 234–235 гг. н.э.⁶ Не ранее 1537 и не позднее 1550 г. найденный барельеф оказался в коллекции кардинала ди Карпи, на его вилле-винограднике.

В то время на окраинах Рима находилось большое количество вилл, окруженных садами, которые назывались *vigne* — «виноградники»⁷. Наглядное представление об этих местах отдыха аристократов, преимущественно высокопоставленных клириков, и одновременно выставках частных коллекций античного и восточного искусства дают многочисленные карты и топографические описания Рима и его окрестностей, сделанные современниками. Формат этих карт и описаний варьировался от небольших черно-белых гравюр размером с открытку до помпезных многотомных атласов. Особенно продуктивными на этом поприще были Л. Буфалини (*Leonardo Bufalini*, ум.

⁶ Lajard, 1854, P. 39–51; Lanciani, 1892, p. 57.

⁷ Hülsen, 1917; Coffin, 1979; Maier, 2011, p. 35–55.

1552), Б. Марлиани (*Bartolomeo Marliani*, 1448–1566), П. Лигорио (*Pirro Ligorio*, 1513–1583), М. Картаро (*Mario Cartaro*, 1540–1620). К этому списку необходимо добавить Антонио Темпеста (*Antonio Tempesta*, 1555–1630), живописца и гравера, а также Этьенна дю Перака (*Étienne du Pérac*, 1520–1607), французского художника, гравера и антиквара, которому принадлежат карты древнего и нового Рима (*Urbis Romae Sciographia ex antiquis monumentis*, 1574; *Nova Urbis Romae Descriptio*, 1577).

Середина XVI в. была периодом активного поиска и коллекционирования античных памятников в Европе. В это время Италия становится главным центром изучения, систематизации и популяризации лучших образцов античного искусства. Деятельность Андрео Фульвио (*Andreo Fulvio*, 1470–1527), гуманиста, поэта и антиквара, и членов кружка архитектора, художника и дизайнера Пирро Лигорио, работавших при покровительстве кардиналов Алессандро Фарнезе, Родольфо Пио ди Карпи и других, подстегнула развитие гравюрной техники печати и тиражирование образцов не только современной и античной архитектуры, скульптуры и живописи, но и сохранившейся эпиграфики. Богатейшее наследие, оставленное этими и другими мастерами, позволяет нам воочию взглянуть на события того времени и прочувствовать атмосферу творческого поиска в Риме середины XVI в.

Вилла-виноградник кардинала ди Карпи на Монте Кавалло, «*vigna di Carpi a Monte Cavallo*», с обширным садом, располагалась на холме Квиринал, самом высоком из семи холмов Рима. Ее изображения сохранились на картах и рисунках Л. Буфалини, П. Лигорио, А. Темпеста и Э. дю Перака⁸ (рис. 2 и 3). *Monte Cavallo/Caballo/Cavalli* — «холм коня/коней» — средневековое название античного *Collis Quirinalis*, полученное по двум скульптурным группам всадников, Кастора и Поллукса, удерживающих за узду строптивых коней. Эта группа высотой 5,5 м — поздняя римская копия, считавшаяся в то время оригинальным творением Фидия и Праксителя; она много столетий украшала вход в находившиеся неподалеку термы Константина (рис. 4). Почти все описания холма Квиринал начинались с рассказа об этих скульптурах-гигантах⁹, а внушительный силуэт этих фигур можно без труда заметить на картах П. Лигорио (1552) и Э. дю Перака (1577) на площади перед термами Константина.

Хозяин виллы, Родольфо Пио ди Карпи (*Rodolfo Pio di Carpi*, 1500–1564) — видный религиозный и политический деятель Италии своего времени¹⁰ (рис. 5). В 1530–1533 и 1535–1537 гг. он служил папским нунцием при дворе французского короля Франциска I, выступая в роли посредника между последним и германским императором

⁸ Систематическую подборку карт виллы кардинала см.: Hulsen 1917, S. 43–84 (подробное описание); и уточненный топографический анализ местности: Eiche 1986, p. 115–133.

⁹ Например, Б. Марлиани в книге «L'antichità di Roma», 1548, p. 77.

¹⁰ Дядя ди Карпи, Альберто Пио (1475–1531), ученик Пьетро Помпанацци и друг Людовико Ариосто, был также известным политиком и дипломатом, доверенным лицом Франциска I в Риме, близким другом Льва X. Будучи блестящим полемистом, А. Пио вел дискуссии с видными религиозными деятелями того времени, в том числе с Эразмом Роттердамским, и оставил после себя большое эпистолярное наследие. Как дипломата его весьма выразительно охарактеризовал посланник Карла V в Риме: «Альберто ди Карпи — „дьявол“. Он знает все и вмешивается во все. И хотя он является посланником короля Франции, он значительно способствовал выборам Медичи (Джулио Медичи в качестве папы Климента VII). Он (император Карл V) должен либо его победить, либо уничтожить. Думается, что он, при любых обстоятельствах, опасен на своем посту французского посланника в Риме» (Bergengroth, 1866, p. 595, n. 612). Эти слова оказались почти пророческими. Вскоре после поражения Франциска I при Павии А. Пио лишился своего имущества и влияния в городке Карпи на севере Италии, а после «разграбления Рима» войском Карла V в 1527 г. он был вынужден бежать во Францию, где прожил в почете до конца своих дней. Ныне в Лувре хранится надгробный памятник А. Пио, созданный по приказу Франциска I (Geffroy, 1890, p. 184–185; Pastor, 1910, vol. IX, p. 269ff.).

ром Карлом V. Одновременно ди Карпи неоднократно выполнял папские поручения в качестве легата, в том числе и ко двору английского короля Генриха VIII. В 1536 г. ди Карпи был возведен в чин кардинала Павлом III (1534–1549), чьим советником он и оставался до конца жизни папы. Ди Карпи активно работал в римской инквизиции. В разное время кардинал был префектом Рима, епископом Остии и Веллетри, деканом коллегии кардиналов. Он принимал активное участие в конклавах по выборам пап Юлия III, Марцелла II, Павла IV и Пия IV. На конклаве 1559 г. сам был кандидатом на папский престол¹¹. Одновременно ди Карпи был известен как покровитель искусств. Кардинал, подобно другим важным сановникам, увлекался коллекционированием античных древностей: статуй, рельефов, эпитафических памятников, и окружал себя знатоками и ценителями древностей. Кроме того, в его владениях хранилась большая библиотека рукописей и первопечатных книг, которая также была доступна ученым и антикварам со всей Европы¹².

Ди Карпи считался одним из самых богатых прелатов римской курии, так как получал не только доходы от приходов, которые возглавлял, но и пенсии королевских дворов, при которых служил папским нунцием. Сразу по окончании дипломатической миссии во Франции в 1537 г. кардинал обосновался в Риме, во дворце *Palazzo Ricci*, в районе *Campo Marzio* (на карте Л. Буфалини этот дворец обозначен как *D(omus) R. Card. Carpo*)¹³. В 1547 г. он переезжает оттуда во дворец, расположенный неподалеку, на углу *Via Campo Marzio* и *Via dei Prefetti*, ранее принадлежавший знаменитой семье *Pallovicini*¹⁴. Детали этого переезда неизвестны, однако можно полагать, что к тому времени кардинал успел собрать большую коллекцию книг и античных древностей, которые не помещались ни в старой резиденции (*Palazzo Ricci*), ни в особняке Палловичини, получившем название *Palazzo Carpi*. Очевидно, что по этой причине, кардинал практически сразу приобретает виллу-виноградник на *Monte Cavallo* у Джакомо Сеси, брата кардиналов Пауло Эмилио и Федерико Сеси¹⁵. Богатейшая коллекция ди Карпи, хранившаяся во дворце в городе (библиотека рукописей и мелкая скульптура) и на вилле на Монте Кавалло (статуи, рельефы, алтари), была предоставлена для изучения историкам, филологам и антикварам со всей Европы. Одновременно гости кардинала проводили своеобразный учет и каталогизацию экспонатов. Одним из первых эту работу проделал У. Альдрованди¹⁶.

¹¹ Краткая биография кардинала: Geffroy, 1890, p. 185–192; Wicki, 1959, p. 245–246.

¹² Подробнее о коллекциях римских аристократов, возможностях их осмотра посетителями и основная литература: Steinhouse, 2005; Coffin, 1979.

¹³ *Campus Martius*, Марсово поле — ныне IV район на северо-западе Рима. *Palazzo Ricci* после отъезда оттуда кардинала ди Карпи стал на три года прибежищем Туллии Арагон, знаменитой поэтессы, философа и куртизанки. В 1551 г. дворец был приобретен папой Юлием III, а через 10 лет стал собственностью Козимо I Медичи, великого герцога тосканского, в качестве римской резиденции и стал называться *Palazzo di Firenze*. Здание было немного перестроено лучшими архитекторами того времени и стало на несколько десятилетий центром культурной жизни района и всего города. После угасания рода Медичи дворец служил резиденцией посланника Великого герцогства Тосканы. Позднее это здание занимало Министерство юстиции и по делам религии, служило резиденцией министра юстиции, офисом Адвокатуры страны. С 1926 г. дворец занимает общество Данте Алигьери.

¹⁴ Lanciani, 1907, III, p. 176ff.; Hülsen, 1917, S. 43.

¹⁵ Помимо аристократического престижа этого места современники отмечают наличие на территории виллы естественного подземного источника, вода из которого считалась самой чистой, вкусной и полезной для здоровья во всем Риме. Первое упоминание виллы в связи с именем ди Карпи относится к 1547 г. В одной из своих поэм Маркантонио Фламинио упоминает фонтан на вилле кардинала, а в 1548 году «прославленную виллу Высокопреподобного кардинала ди Карпи» опишет Б. Марлиани в своей книге «*A'Antichita di Roma*» (Eiche, 1986, p. 118–120).

¹⁶ Подробное описание коллекции во дворце на Марсовом поле (по комнатам) в главе «*Nel palagio del Reuerendissimo di Carpi in campo Martio*» и на Монте Кавалло см.: Aldrovandi, 1562, p. 201–212; 295–310.

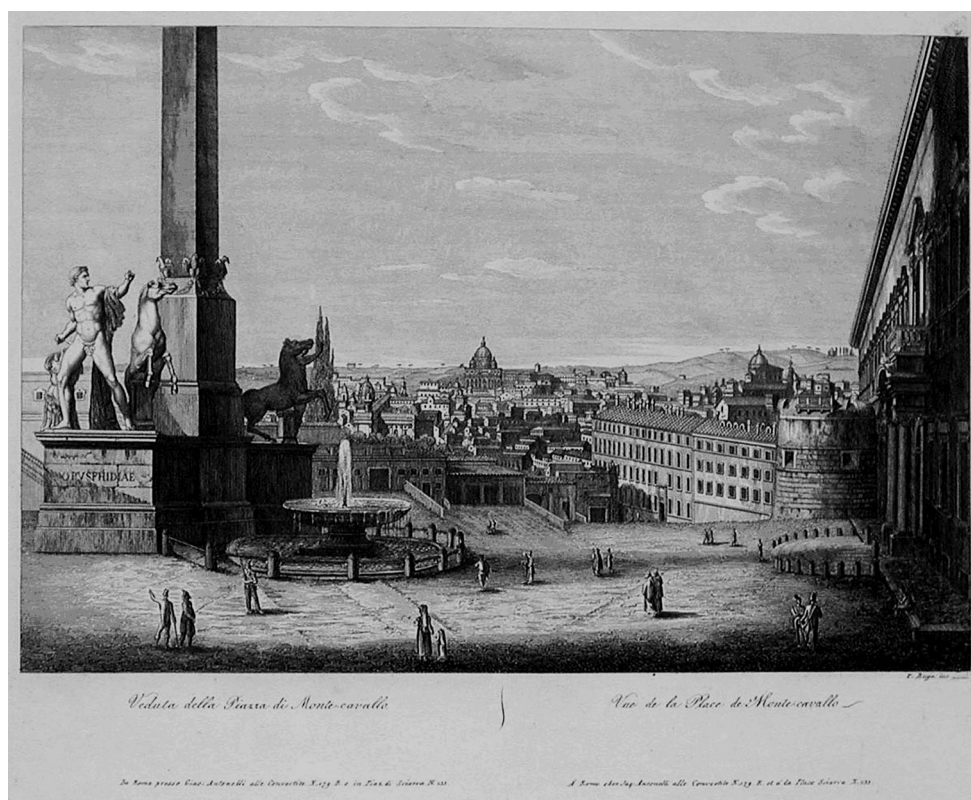

Рис. 4.

Monte Cavallo — вид на площадь перед папским
(Квиринальным) дворцом
(гравюра П. Руга, из сборника гравюр *Nuova raccolta*, 1826)

Улисс Альдрованди (*Ulysses Aldrovandus*, 1522–1605)¹⁷ — выдающийся ученый эпохи Возрождения, занимавшийся ботаникой, зоологией, энтомологией и минералогией (рис. 6). Он впервые дал детальное и систематическое описание скульптур этой и многих других частных коллекций, строго распределив предметы старины по типам — «статуи», «бюсты», «рельефы с несколькими фигурами» — и их местонахождению: «в саду Бельведерского дворца, выше дворца Папы», «в доме Высокопреподобного Дандини в Борго, недалеко от Св. Катерины», «в саду Высокопреподобного

¹⁷ Выходец из знатной семьи из Болоньи, У. Альдрованди получил образование по гуманитарным дисциплинам и праву в университетах Болоньи и Падуи. Живой интерес к философии и логике он сочетал с изучением медицины. Некоторое время возглавлял кафедру естественных наук в Болонском университете. В 1549 г. был обвинен в ереси как последователь Камилло Ренато и, несмотря на публичный отказ от идей унитаризма, был доставлен в Рим для судебного разбирательства. По приезду в Рим, в ожидании решения суда болонец находился под наблюдением около восьми месяцев, в течение которых продолжил свои занятия ботаникой, зоологией и геологией, поддерживая дружеские отношения с учеными, художниками и литераторами города. Именно в этот период У. Альдрованди начал свою работу по изучению частных римских коллекций античной скульптуры, ставшей образцовой для нескольких поколений последователей (Davies (ed.), 2009, литература к биографии ученого).

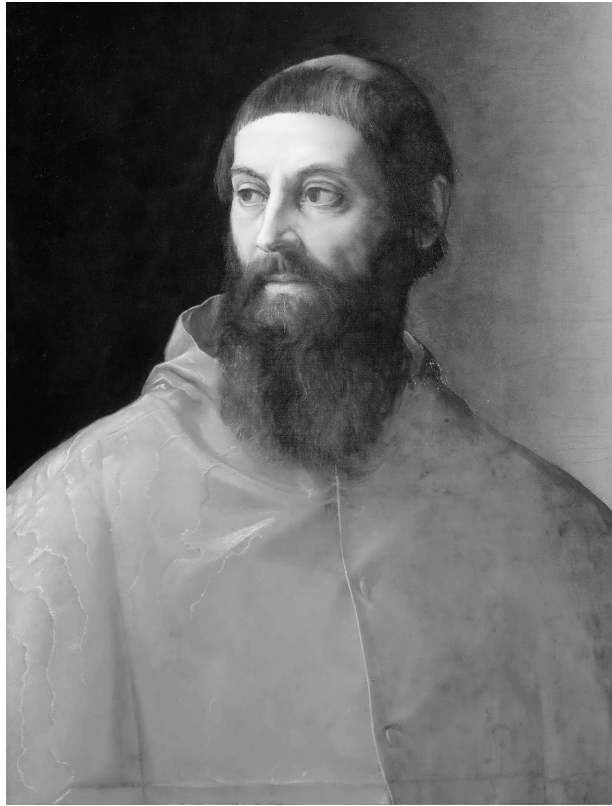

Рис. 5.

Родольфо Пио ди Карпи
(портрет Ф. Сальвиати, Музей истории искусств, Вена)

Фарнезе, у р. Тибр, справа от Нового дворца» и т.д.¹⁸ Этот каталог, «Tutte le statue antiche», законченный в середине 1550 г., в период «коронации (папы) Юлия III», вошел как приложение к книге-путеводителю по древностям Рима «Le antichita della citta di Roma» Лючио Марио и был опубликован в 1556 г. в Венеции издателем Дж. Зилетти. Следует отметить, что это издание было сделано без окончательной правки текста самим У. Альдрованди и, собственно, без его разрешения. В недавно найденной рукописи болонца, «Praefatio ad lectorem in librum de statuis», он прямо говорит о своей встрече с Л. Марио в издательстве-типографии (*officina*) Дж. Зилетти и о передаче последнему рукописи каталога с просьбой не публиковать ее¹⁹.

Четвертое издание этой книги, исправленное и дополненное, вышедшее в 1562 г., содержало корректуры и дополнения самого У. Альдрованди. Впрочем, для нас важно то, что во всех четырех изданиях, в разделе «Nel giardino, e uingo del Reurendiβ.

¹⁸ По некоторым косвенным данным, исследователи датируют создание этого каталога 1650 г. Именно в этом году У. Альдрованди находился в Риме в ожидании решения папского суда, обвинившего его в ереси (Davies (ed.), 2009, p. 9, note 10). Всего он посетил 99 частных коллекций и семь публичных мест, культовых и светских, в которых хранились античные памятники (Carrara, 1998, p. 32).

¹⁹ Полагают, что издатель напечатал неготовую к печати рукопись У. Альдрованди и объединил ее с книгой Л. Марио, чтобы ускорить продажу книги последнего (Davies (ed.) 2009, p. 8–10, note 15).

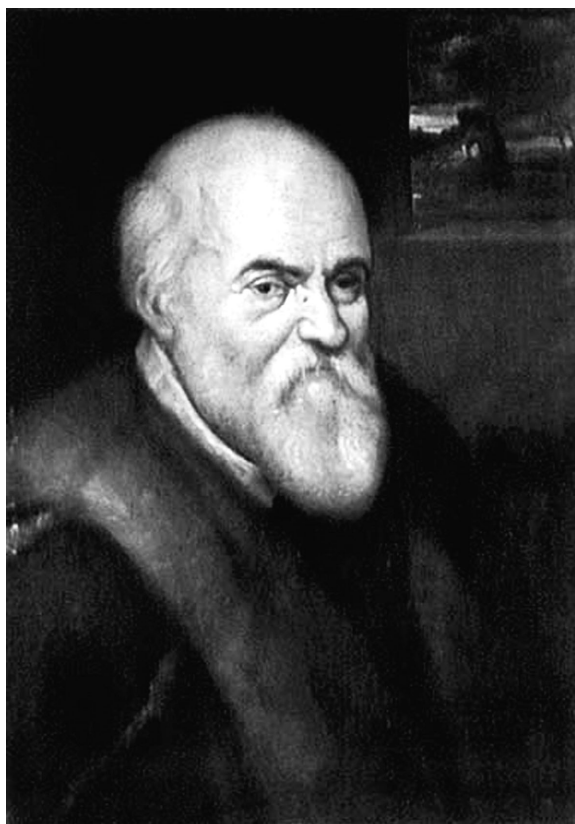

Рис. 6.
Улисс Альдрованди
(портрет А. Караччи(?), библиотека университета, Болонья)

Cardinal di Carpi. A monte cauallo» — «В саду и винограднике Высокопреподобного Кардинала ди Карпи. На Монте Кавалло» У. Альдрованди дает такое описание барельефа с греческо-пальмирской билингвой²⁰:

«Presso à la cisterna su l'entrar del giardino secreto si ueggono in una tauola marmorea due figure d'huomini uestite, nel mezo de le quali e un' albero di cipresso: e, come dalle loro inscrittioni si uede, l'uno di loro era Aglebolo, l'altro era Malachbelo; e furon fatte per uoto; Di piu di questi duo nome ΑΓΛΗΒΩΛΩ ΚΑΙ ΜΑΛΑΧΒΗΛΩ vi sono anco altre lettere Greche, & Hebraiche, e Caldee» — «Рядом с резервуаром с водой, около входа в секретный сад, на мраморной плите можно увидеть две одетые мужские фигуры, между которыми кипарисовое дерево; и как видно из надписей, один из них Аглебол, другой — Малахбел; они были сделаны в качестве votivного дара; и помимо этих двух имен, ΑΓΛΗΒΩΛΩ ΚΑΙ ΜΑΛΑΧΒΗΛΩ, там есть еще старые греческие, еврейские и халдейские буквы» (Aldrovandi, 1562, p. 302)²¹.

²⁰ Здесь и далее в основной части статьи полностью сохраняем орфографию первых изданий текстов.

²¹ См. современное критическое издание каталога (без перевода и комментариев, но с обширной библиографией): Davies (ed.), 2009, S. 14–155.

У. Альдрованди предполагал, что надпись сделана еврейским и халдейским письмом. Будучи блестящим знатоком античной культуры и одновременно естествоиспытателем, он, скорее всего, только выразил мнение окружавших его ориенталистов и антикваров (рис. 7). К сожалению, У. Альдрованди не стал заниматься богатейшей библиотекой кардинала, ограничившись кратким замечанием о книгах, хранившихся во дворце на Марсовом поле: «...*grandissima quantità di libri, scritti à penna, Greci, Hebraici, & Arabi, la piu parte de quali sono libri rari, & non piu stampati*» — «...огромнейшее количество рукописных книг на греческом, еврейском и арабском языках, значительная часть которых книги редкие и никогда не печатавшиеся» (Aldrovandi, 1562, p. 202). Сразу после составления каталога он уехал из Рима в Болонью и полностью погрузился в свои занятия по ботанике, зоологии и минералогии. К теме античных древностей он больше не возвращался. Во всяком случае, это была его единственная работа, посвященная античным древностям.

В Риме, тем временем, при покровительстве власть предержащих продолжались научные поиски и ученые диспуты гуманитариев со всех уголков просвещенной Европы. Оставив специалистов сложные, дискуссионные вопросы о причинах и природе «гостеприимства» высших прелатов Церкви, вспомним наиболее яркие имена и послушаем свидетельства современников этого, безусловно, блестящего периода в истории Вечного города²².

В гостях у кардинала ди Карпи побывали многие известные люди той эпохи, в числе португальский гуманист, ученый, поэт и антиквар Ахиллес Статий (*Achilles Estaco*, лат. *Achilles Staius Lusitanus*, 1524–1581). А. Статий прежде всего известен своими трудами по римской эпиграфике и античной литературе, особенно комментариями на произведения Катулла. С 1555 г. он жил в Падуе и работал секретарем и библиотекарем кардинала Гвидо Асканио Сфорца ди Санта Фьоре (*Guido Ascanio Sforza*, 1538–1538), брата кардинала Алессандро Сфорца, будущего владельца виллы ди Карпи (см. ниже)²³. В 1560 г. он переехал вместе со своим покровителем в Рим, где сразу приступил к формированию большой библиотеки книг и рукописей, а также к активному изданию текстов античных авторов. Кроме того, А. Статий живо интересовался археологическими раскопками в городе. Среди его друзей и единомышленников были многие выдающиеся ученые, поэты, художники, антиквары того времени: Оттавио Пантагато, Пирро Лигорио, Антонио Августин, Жан Матал, Фульвио Орсини и др. А. Статий пользовался покровительством папы Пия V и папы Григория XIII и принимал активное участие в издании трудов Отцов Церкви после Тридентского собора (1545–1563), на котором был подвергнут критике чрезмерный интерес клириков к «языческим реликвиям». Интересы португальского ученого закономерно привели его также к изучению частных собраний книг известных фамилий в

²² Среди большого количества работ, посвященных социально-политическим и идеологическим предпосылкам открытости частных собраний античных древностей в период позднего Ренессанса в Риме, отметим исследования Дж. Франьито (Fragnito, 1993) и В. Штайнхауса (Steinhouse, 2005) с основной литературой по теме. Кроме того, в статье В. Штайнхауса представлен целый ряд имен ученых и путешественников, оставивших документальные свидетельства своих встреч с кардиналами-меценатами и их окружением.

²³ А. Статий родился в семье военного, Паоло Эстасио, участника экспедиций в Индию Васко да Гама. Становление отца сделать из сына военного (отсюда и героическое имя Ахиллес) и совместная поездка с восьмилетним сыном в Бразилию для обучения его основам военного дела не принесли ожидаемого результата. Молодого Эстасио больше привлекали литература и языки. По окончании учебы в университете г. Коимбра, А. Статий с 1547 г. продолжил учебу в Лувене (*Collegium Trilingue*) и Париже. В этот же год он опубликовал свою первую работу, посвященную риторике Цицерона, — «*Achillis Statii Lusitani Sylvulae Duae, 1547*». В Лувене А. Статий познакомился с М. Сметием, который незадолго до этого вернулся из Рима. Подробнее биография А. Статия: Pereira, 1991, p. 11–27; Almagro, 2012, p. 353–372. О первых шагах португальца в Риме: Ijsewijn, 1991–1992, p. 109–123.

Риме: Фарнезе, Маттеи, Сеси, а также библиотеки кардинала ди Карпи. Можно полагать, что португалец получил доступ к библиотеке последнего благодаря, главным образом, рекомендациям М. Сметия, который работал секретарем кардинала в 1545–1551 гг., а также кардинала Г.А. Сфорца.

А. Статий оставил большое научное наследие, часть которого по-прежнему остается в рукописном виде и ждет публикации. Недавно найденные черновики ученого показывают, что португалец делал копии латинских текстов с античных рельефов и алтарей (Almagro, 2009, p. 127–142). Впрочем, он не обратил внимания на греческо-пальмирскую билингву, в отличие от другого знаменитого гостя кардинала, Ж.-Ж. Буассарда.

Жан-Жак Буассард (*Jean-Jacques Boissard*, 1528–1602)²⁴ — французский антиквар и поэт неолатинского направления, автор книги «*Romanae Urbis Topographia & Antiquitates*» (1597–1602) (рис. 8). Этот шеститомник, составленный во время его пребывания в Риме в 1556–1559 гг., но вышедший в свет только через 30 лет после возвращения автора на родину, содержал помимо историко-географического материала о достопримечательностях Рима копии латинских и греческих текстов и рисунки стел и рельефов, а также краткое упоминание греческо-пальмирского памятника на вилле ди Карпи на Монте Кавалло: «*Prope cisternam ad ingressum secretioris hortuli, tabula est marmorea, in qua duo viri sunt vestiti, quæ hæc verba continet. ΑΓΛΗΒΟΛΩ ΚΑΙ ΜΑΛΑΧΒΗΛΩ*» — «Рядом с резервуаром у входа в секретный сад находится мраморная плита, на которой изображены два одетых человека и которая содержит следующие слова: *ΑΓΛΗΒΟΛΩ ΚΑΙ ΜΑΛΑΧΒΗΛΩ*» (Pars I, p. 93).

Интересно также его замечание о количестве статуй в коллекции кардинала: больше 136 единиц (Pars I, p. 91). Всего Ж.-Ж. Буассард поместил в своей книге несколько сотен рисунков. Вероятно, что не все рисунки, сделанные в Риме, попали в сборник, так как значительная часть их была утрачена уже во Франции и автор был вынужден заново собирать материалы, восстанавливать что-то по памяти, обращаться к друзьям за помощью. Сам Ж.-Ж. Буассард рассказывает, что все свое имущество, а также подготовленные материалы для книги об античных древностях оставил у своей сестры в Бургундии, в Монтбельяре. В результате междоусобных войн, во время нападения соседей на их город в 1587 г., все его имущество погибло в огне пожара. Ж.-Ж. Буассард, однако, не опустил руки, а принялся по крупицам восстанавливать утраченные материалы. Вот как он описывает свою потерю:

«Но вот несчастье! Графство Монтбельяр было страшно опустошено нападением лотарингцев, и пожар поглотил все мои книги, папки с бумагами, огромное количество медалей, фрагментов античного папируса, рукописи разного содержания,

²⁴ Ж.-Ж. Буассард родился в Безансоне в семье налогового прокурора. Со стороны матери его дядей был известный преподаватель греческого языка, друг Эразма Роттердамского, Х. Бабе (*Hugues Babel*). Именно он занимался воспитанием и начальным образованием племянника, а по достижении мальчиком девятилетнего возраста возил его по Европе с собой. К 27 годам Ж.-Ж. Буассард успел поучиться в лучших университетах Европы: в Гейдельберге, Кельне, Лувене, Лейпциге, Нюрнберге, Ингольштадте и Виттенберге, где, будучи учеником Меланхтона, проникся идеями Реформации и стал убежденным протестантом. В 1555 г. он решает завершить учебу и отправляется в Италию, где попадает под покровительство кардинала Караффа (племянника Павла IV), получая, таким образом, возможность свободно заниматься изучением античных древностей Рима, а также путешествовать с этой же целью по всей Италии и Греции. За четыре года пребывания в Риме Ж.-Ж. Буассард собрал огромный материал, который ему удалось вывезти во Францию, спасаясь бегством из Рима, когда город восстал, вымещая злобу на роде Караффа сразу после смерти в 1559 г. Павла IV, за особую жестокость и бесчеловечность папской инквизиции при этом понтифике. Покровителя Ж.-Ж. Буассарда, кардинала Караффа, казнили через полтора года, о чем француз узнал, уже находясь в Меце (*Biographie*, 1841, p. 406; *Castan*, 1875, p. 4–20, *Adams*, 2003, p. 155ff.).

Рис. 8.

Жан-Жак Буассард (из кн.: Castan, 1885, p. 4)

камни, инкрустированные ониксом и сардониксом, все, что являлось даром знатных людей либо приобретенным мною с большим трудом и за громадные деньги: столько вещей, что мне остается вечно сожалеть об их утрате... И все же, за два года до этой катастрофы я перевез в Мец часть моего собрания рисунков античных надписей, которые встретил в Риме в публичных местах и частных собраниях»²⁵.

С помощью этого материала он сумел в 1597 г. подготовить в Меце к печати I том «Romanae Urbis Topographia & Antiquitates». В связи с этой историей можно вполне правдоподобно предположить, что среди утраченных рисунков вполне могла быть и наша билингва, тем более что она была запечатлена на весьма ярком барельефе и располагалась у самого входа в сад ди Карпи. Ж.-Ж. Буассард ее помнил, но, может быть, просто не смог зарисовать ее снова по памяти, опасаясь неправильно воспроизвести восточное письмо. В его многотомнике, например, есть рисунки египетских стел с весьма старательно срисованными иероглифами. Очевидно, что воспроизвести по памяти такие тексты в то время было чрезвычайно трудно, если вообще

²⁵ Boissard, 1597–1602, Pars. III, Dedicatoria ad Hermannum Ghoer. Castan, 1875, p. 11–12.

возможно. Значит, автора там, в Риме, интересовала, в числе прочего, и восточная тематика и он, зарисовывая эти египетские тексты, вполне мог сделать наброски пальмирского письма, тем более что ему были для этого предоставлены все условия.

Ж.-Ж. Буассард в посвящении-предисловии к первой книге с особой теплотой и в мельчайших подробностях вспоминает обстоятельства своего пребывания в саду ди Карпи на Монте Кавалло. Трудно согласиться с мнением, что эти воспоминания, написанные спустя много лет после смерти кардинала, лишь благодарная лесть хозяину. Напротив, хочется верить в искренность Ж.-Ж. Буассарда, который на самом деле воспринимал виллу и дворец кардинала как «открытый приют, гавань и прибежище»²⁶:

«...Я познакомился с французскими и германскими студентами, которые, обучаясь в самых прославленных итальянских академиях, группами приезжали в Рим. Видя, как они записывают и зарисовывают то, что их восхищало и поражало, и желая помочь им в их штудиях, я составил небольшой справочник, посредством которого каждый мог бы понять: как искать и находить без труда то, что есть в таком большом городе, как в зданиях, так и на улице, — вещи, достойные внимания. К моей большой радости, эта книжечка понравилась, ее хвалили и с пользой читали... Я никогда не смогу забыть одобрения, которое получил по этому поводу от великолепнейшего, блистательнейшего прелата Родольфо Пио ди Карпи. В то время, когда я жил в Риме, он владел на Квиринале очаровательными садами, заполненными античными мраморными скульптурами. Как-то я пришел туда с группой других учащихся, чтобы полюбоваться архитектурой дворца, посмотреть на статуи, колонны, обелиски, античные алтари, и не смог в отведенное нам время зарисовать такое количество вещей. Так как хозяйка дома меня еще не знала, я решил оставить моих спутников и спрятаться в кустарниках, дожидаясь, пока все уйдут. Когда ворота были заперты, я потратил весь остаток дня на срисовывание античных надписей. Ночь я провел под кроной деревьев, а на заре возобновил свои занятия. В то время, когда я был поглощен рисованием одной мраморной скульптуры, кардинал, окруженный родными и челядью, вышел прогуляться по саду. Вся эта компания была очень удивлена, увидев меня издали, и никак не могла понять, как я мог сюда попасть. Тут от группы отошли два человека, чтобы потребовать от меня ответ, когда и как я там оказался. И так как я был сильно смущен, то решил прикинуться наивным. Считая, что меня не в чем упрекнуть, я попросил позволения закончить рисунок скульптуры, которым был занят. Закончив рисовать, я рассказал свою историю: „Вчера вечером я вошел в сад вместе с другими посетителями. Когда я надолго отделился от остальных, читая и срисовывая надписи, они ушли, оставив меня здесь. После этого, пытаясь выйти, я обнаружил, что ворота закрыты, и поэтому был вынужден провести всю ночь здесь“. Я добавил, что не сожалею по поводу этого недоразумения, потому что смог благодаря этому плену зарисовать много великолепных памятников, расставленных по всему саду. Мои собеседники рассмеялись и доложили своему хозяину то, что я им поведал. Ничуть не сердясь, кардинал стал меня жалеть за то, что я на голодный желудок провел всю ночь под открытым небом, и, опасаясь за мое здоровье, дал указание приготовить мне завтрак. Он с интересом просмотрел мои тетради, похвалил за талант и повелел, чтобы меня проводили в его большой дворец, который располагался в городе, на Марсовом поле. Он разрешил, чтобы я осмотрел все что было в том дворце и зарисовал все что мне будет угодно. Желая выразить мою благодарность

²⁶ При этом, конечно, едва ли можно идеализировать кардинала ди Карпи. Будучи одним из активных деятелей инквизиции, он едва ли догадывался о симпатиях французского гостя к идеям М. Лютера.

такому гостеприимному хозяину, я предложил ему альбом с рисунками, которые я сделал у него. Он не только с радостью принял мой дар, но и, желая ответить взаимностью, вручил мне античные медальоны: два из золота, двенадцать из серебра, столько же из меди, а также бронзовую статуэтку Аполлона, у которой не хватало руки»²⁷.

Похожая история произошла немного раньше и с его знаменитым соотечественником, путешественником и просветителем, сделавшим описание Восточного Средиземноморья и Нового Света, а тогда еще никому не известным монахом-францисканцем А. Теве²⁸, который проник без разрешения и рекомендательного письма во владения не названного по имени римского аристократа. Лишь благодаря личному вмешательству прославленного Ф. Рабле ему удалось избежать наказания. Подопечный кардинала Жана Лотарингского описал этот случай так:

«Il me souvient, que contemplant telles antiquitez à la court & iardin d'un Seigneur Romain, on me cuyda²⁹ outrager³⁰, disant que i'estois trop hardy, & que paraventure i'estois vn espion: mais estant ledit Seigneur aduert³¹ par Rabelais, qui a tant fait depuis parler de luy, de ma curiosité, & voyages par moy faits, lors i'euz entree de toutes parts. Telle fortune m'est souuent aduenue en plusieurs païs de l'Italie, & ailleurs pareillement» — «Помнится, когда я рассматривал такие древности во дворе и саду одного римского сеньора, меня задумали обидеть, сказав, что я очень бесцеремонный и, возможно, являюсь шпионом. Но после того как этот сеньор был уведомлен Рабле, о котором столько говорили, о моей любознательности и поездках, которые я уже совершил, тогда я смог войти во все части (дома). Такая удача часто сопровождала меня во многих странах, начиная с Италии и далее» (Thevet, 1575, II, 731v.).

Такое настороженное отношение к незнакомцам в Риме имело вполне реальное объяснение — кражи и грабежи были каждодневной практикой большого города. Чтобы уберечь свои богатства, от аристократов требовалась особая бдительность. С одной стороны, личная коллекция древностей была показателем престижа и положения в обществе, а с другой — обнаружение богатства и, соответственно, немалых доходов было значительным риском. Именно поэтому высшие иерархи церкви предпочитали приглашать исследователей для работы со своими сокровищами только по рекомендациям проверенных людей и, как правило, после строгого отбора кандидатов. Именно таким образом вошел в мир римских древностей Ю. Липсий, которому предстоит сыграть решающую роль в ознакомлении востоковедов Европы с барельефом из виноградника на Монте Кавалло.

²⁷ Boissard 1597–1602, Pars. I, Epistola/Dicatoria; Castan. 1875, p. 5–7.

²⁸ Андре Теве (André Thevet, 1516–1590) родился во Франции в семье лекаря-цирюльника. В конце 1540-х годов совершил поездку в Италию, где познакомился с кардиналом Жаном Лотарингским, который оказал ему финансовую поддержку для совершения путешествия по странам Восточного Средиземноморья (1549–1552). Результатом поездки стала книга «Cosmographie de Levant» (1554). Затем он совершил поездку в Южную Америку, написав по итогам путешествия «Les Singularités de la France antarctique, autrement nommée Amériq̃ue», содержащую большое количество информации по этнографии народов Южной Америки, климату, флоре и фауне континента (1557). Последние годы жизни, будучи космографом французских королей (Генриха II и Генриха III), работал над книгой «La cosmographie universelle», куда включил все известные сведения по географии разных континентов, а также свои воспоминания о пребывании в Италии (1575), и «Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres grecs, latins et payens, recueillis de leurs tableaux, livres, médailles antiques et modernes» (I–III vols., 1584), ставшей сводом биографий известных исторических лиц.

²⁹ Среднефранц. «cuider», старофранц. «cuider» от лат. «cogito» — «думать, считать».

³⁰ Среднефранц. «outrager», также «outralger» в значении «outrager» — «оскорбить, обидеть».

³¹ Среднефранц. «advertir» в значении «avertir» — «предупредить, уведомить».

Рис. 9.

Юст Липсий

(портрет неизвестного художника, Королевская библиотека, Нидерланды)

Юст Липсий (*Joest Lips*, лат. *Justus Lipsius*, 1547–1606) — выдающийся филолог и историк, перу которого принадлежат несколько работ по философии и политике. Ему пришлось стать свидетелем многих бурных событий своей родины — Южных Нидерландов: религиозного раскола в стране, борьбы за независимость против Испании, гражданской войны (рис. 9).

Получив образование сначала в иезуитском колледже в Кёльне, а затем в Лувенском университете, Ю. Липсий в возрасте 21 года решил отправиться в Италию в *peregrinatio academica*, где вскоре, по рекомендации своих учителей и друзей, был представлен кардиналу Антуану Перреноту де Гранвеллу (*Antoine Perrenot de Granvelle*), влиятельному бургунскому аристократу, который в то время жил и работал в Риме³². С 1569 по 1570 г. молодой ученый проработал у кардинала в качестве

³² Еще до поступления на работу к кардиналу Ю. Липсий посвятил де Гранвеллу свою первую книгу *Variarum Lectionum Libri III*, которая стала подведением итогов его студенческих изысканий в области античной литературы. Книга, сборник наблюдений над классическими текстами, которая принесла автору славу, вышла в издательстве Кристофа Плантэна, близкого друга кардинала (Lipsius, 1569). Возможно, что именно рекомендация К. Плантэна стала решающей, чтобы Ю. Липсий был принят ко двору кардинала.

секретаря. Находясь в Риме, Ю. Липсий получил возможность изучать надписи и рукописи, хранившиеся в частных коллекциях аристократов и в библиотеке Ватикана, искать и срисовывать эпитафические памятники в окрестностях города. В одном из своих писем он так описывает этот этап жизни³³:

«Еще ранее я написал и опубликовал *Variarum Lectionum quattuor*, которые посвятил Антуану Перреното, кардиналу Гранвеллу (на полях письма заметка: *Anno M.D. LXVII*). Это был мой первый шаг к известности, который позволил мне поехать в Риме в дом нашего хозяина, куда меня допускали на протяжении примерно двух лет. Я пользовался полной благосклонностью с его стороны, и он не только поощрял мои занятия, но и помогал мне. Я был его секретарем по латинской переписке, но свой досуг и все свободное время я посвящал наблюдению за камнями, сохранившейся стариной и всему, что стоило посмотреть и познать в городе и его окрестностях. Даже библиотека Ватикана была открыта мне им и кардиналом Ги-лиельмом Сирлетом (достойным „золотого века“). В этих занятиях и заботах я проводил то время»³⁴.

Собранный в Риме за два года материал послужил основой для написания последующих работ, посвященных римской литературе и латинской эпистолографии. Помимо ряда работ по истории, философии и политике ему принадлежат критические издания книг Тацита, Валерия Максима, Веллея Патеркула, Сенеки и Плиния Младшего. Для истории изучения пальмирской эпитафики знаковой стала встреча Ю. Липсия с чудом уцелевшей рукописью М. Сметия, которая горела в огне, была украдена, продана и перепродана, но, в отличие от своего трагически погибшего автора, не только выжила, но и стала образцом для современной эпитафики.

Мартин Сметий (лат. *Martinus Smetius*, голл. *Maartan de Smedt*, 1525–1578) родился в Бельгии, недалеко от г. Брюгге. Он изучал теологию и право в университете Лувена и одновременно посещал занятия в знаменитом *Collegium Trilingue*³⁵. С 1545 по 1551 г. он находился в Италии, работая в качестве секретаря кардинала ди Карпи. В ходе многочисленных поездок с кардиналом по стране М. Сметий тщательно срисовывал все попадавшиеся на пути латинские и греческие надписи, а также систематически описывал коллекции видных коллекционеров того времени. По возвращению во Фландрию М. Сметий стал кюре небольшой деревушки Вествинкель и при-

³³ «Feci, sed libris antea Variarum Lectionum quattuor conscriptis atque editis, quos Antonio Perenotto Cardinali Granuellano inscripsi. Primus hic mihi aditus ad famam, etiam in illius patroni nostri domum fuit, in quam Romae admissus biennium circiter egi, cum omni benignitate ad eo habitus et ad studia tractanda non incitatus solum sed adiutus. Eram a Latinis ei epistolis, sed otium et omne liberum tempus dabat inspectioni lapidum, locorum veterum et si quid visendum noscendumque in urbe aut circa esset. Bibliotheca etiam Vaticana mihi per eum et Guilielmum Zirletum Cardinalem (aureo aevo dignum) patuit et in iis studiis curisque tempus illud sumpsi» (Lipsius, 1605, p. 93. Epistola LXXXVII. См. полный текст письма и его перевод на французский язык: Bergmans, 1889, p. 138–157 (там же материалы к биографии ученого).

³⁴ По возвращении из Италии он сначала остановился при дворе Максимилиана II в Вене (1572), а затем отправился преподавать в лютеранском Иенском университете (1572–1574). После объявления «всеобщей амнистии» в Нидерландах он вернулся на родину, где пробыл три года. В 1578 г. он переезжает в Голландию, где начинает преподавать в недавно созданном кальвинистском Лейденском университете. Там были написаны его знаменитые произведения: «О Постоянстве» и «Политика». В 1591 г. он окончательно возвращается на родину. Биография Ю. Липсия подробнее: Ruyschaert, 1947–48, p. 139–172; Oestreich, Mout, 1989; Principles of letter-writing, 1996, XIII–XVIII (Introduction. The Life of Justus Lipsius).

³⁵ В настоящее время подробных исследований жизни ученого нет. В его биографии остается много лакун, а в работах историков — множество неточностей и противоречий. См.: Vervogen, 1985, p. 255–272 (с избранной библиографией). Основным источником биографических сведений остаются личные письма М. Сметия. Интересны также самые ранние компендиумы с краткими сведениями об ученом, например: Valère, 1543, p. 654.

Рис. 10.

Сборник под ред. Ю. Липсия, 1588 г.
Посвящение М. Сметия М. Лаврину

нялся за составление сводного каталога античных эпиграфических памятников в Италии. В этом его поощрял и всячески ему помогал граф Ватервлиета (*Watervliet*), Марк Лауриний (*Marcus Laurinus*, голл. *Lauwerijns*), однокашник по *Collegium Trilingue*, которому М. Сметий и посвятил будущую книгу. Однако почти законченная работа сгорела 13 января 1558 г. в пожаре вместе с сельской церковью, и автору-составителю пришлось вновь проделывать всю работу сначала, используя чудом уцелевшую вторую неполную рукопись работы (51 лист), которую он заранее подготовил для передачи М. Лауринию. В 1565 г. книга, после невероятных трудов, благодаря помощи друзей и ученых из разных стран была восстановлена и передана М. Лауринию. Эта дата стоит в конце предисловия-посвящения, написанная самим М. Сметием. О дальнейшей судьбе автора сведений очень мало. Известно лишь, что примерно в 1578 г. он попал в руки испанских солдат в окрестностях Брюсселя, которые его повесили после пыток (по одной из версий, он подвергся линчеванию солдатами за свои протестантские взгляды).

Рукопись М. Сметия, напротив, сумела избежать гибели, уже во второй раз. Спасаясь от гражданской войны, которая разразилась во Фландрии, М. Лауриний вскоре после смерти друга попал в руки английских солдат, которые его ограбили, присвоив множество ценных книг и манускриптов, в том числе и рукопись М. Сметия. Через некоторое время эта рукопись оказалась в Лондоне, где в 1585 г. была выставлена на продажу. Покупателями выступили кураторы молодого Лейденского университета,

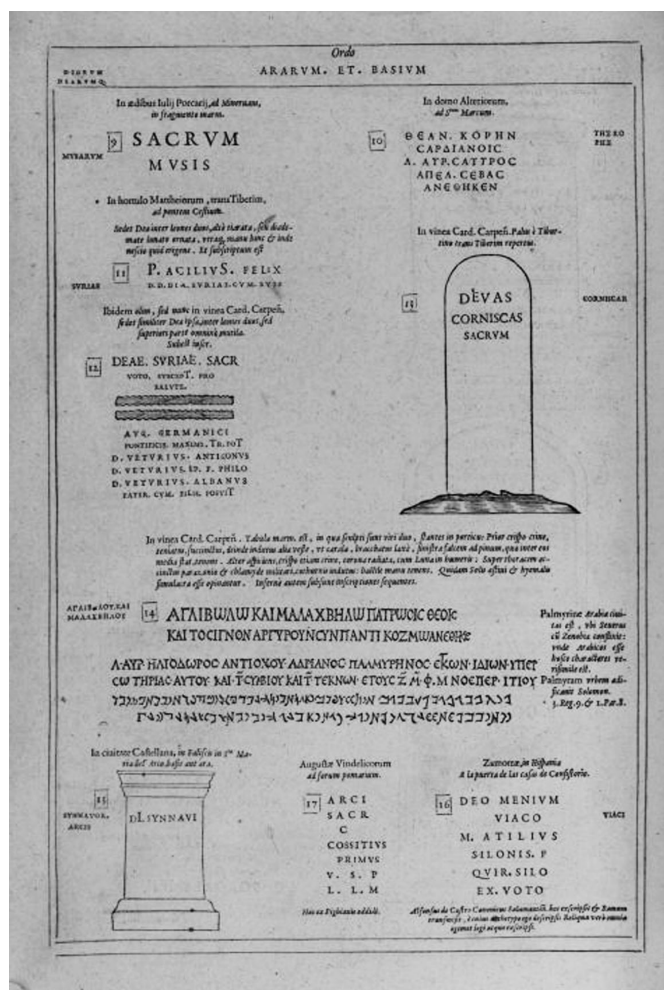

Рис. 11.

Первая публикация пальмирского текста М. Сметия (Pl. XXXII). Издание 1588 г.

которые и вернули рукопись на родину³⁶. Таким образом, главный труд М. Сметия попал в руки Ю. Липсию, профессору истории и права Лейденского университета (1579–1590).

В 1588 г. в типографии К. Плантэна вышла книга под редакцией Ю. Липсия «Inscriptionum antiquarum quae passim per Europam, liber. Accessit auctarium a Iusto Lipsio»³⁷. В заголовке книги имя М. Сметия не указано, однако в начале издания размещено написанное им большое посвящение М. Лауринию, датированное 1565 г.

³⁶ Lipsius, 1605, 148 (Epistola XXIV); Valère, 1543, p. 654; Verbogen, 1985, p. 255–257.

³⁷ В библиотеке Неаполя хранится рукопись «Inscriptiones antiquae per Urbem Romam» без имени автора, которая еще в 1558 г. хранилась в библиотеке кардинала ди Карпи, а после смерти последнего попала в семью кардинала Фарнезе. Я. Грутер, видевший эту рукопись, утверждал, что она принадлежит перу М. Сметия. С этим согласны не все исследователи (подробнее: Verbogen, 1985, p. 258–259, notes 13–14).

(рис. 10). Почти все содержание книги занимают собранные М. Сметием материалы. Ю. Липсий тщательно сохранил принятый автором принцип распределения материала по рубрикам-«порядкам» (*ordo*) надписей: посвятительные, надгробные, общественные, частные и т.д., а также снабдил все издание тематическим индексом имен собственных людей, богов, храмов, титулов и званий, географических пунктов и названий праздников. Такая тщательная роспись содержимого книги была новаторством в то время и стала образцом для многих последующих изданий (Pary, 2012, p. 86). Таким образом, книга сделала доступными для будущих исследований, помимо сотни надписей на латинском и греческом, две строчки текста на арамейском языке Пальмиры из личной коллекции кардинала ди Карпи (рис. 11 и 12)³⁸.

После смерти Родольфо Пио ди Карпи в 1564 г.³⁹ библиотека его книг во дворце на *Campo Marzio* в значительной части рассеялась, а само здание дворца наследники кардинала сдали в аренду одному из религиозных колледжей за 1000 эскудо в год. Судьба коллекции скульптуры оказалась более удачной. Ставшие предметом склок и судебных разбирательств наследников и кредиторов кардинала, античные памятники на Монте Кавалло были тщательно описаны и, таким образом, сохранились в своем большинстве⁴⁰, чего нельзя сказать о самой вилле и окружавшем ее саде-винограднике. После ди Карпи виллой владели кардинал Джулио делла Ровере (*Giulio della Rovere*, 1533–1578), отпрыск знаменитого рода герцогства Урбино, затем кардинал Алессандро Сфорца (*Alessandro Sforza*, 1534–1581), граф Санта-Фьора, выходец из влиятельной фамилии Милана.

Об очаровании этого места и некотором, как кажется, запустении на Квиринале в последней трети XVI в., а также о местных нравах сохранились заметки Мишеля де Монтеня, посетившего Рим в 1580–1581 гг. В своем «*Journal du voyage en Italie par la Suisse & l'Allemagne en 1580 & 1581*» — «Дневнике путешествия в Италию через Швейцарию и Германию в 1580–1581 гг.» М. Монтень записал⁴¹:

— «...là j'avois tousjours quelque occupation, sinon si plesante que j'usse peu desirer, au moins suffisante à me desennuier: *comme à visiter*⁴² les antiquités, les *Vignes*, qui sont des jardins & lieux de plesir, de beauté singuliere⁴³, (& là où j'ai appris⁴⁴ combien l'art se pouvoit server bien à pouint d'un lieu bossu, montueus, & inégal; car eus ils

³⁸ Отметим, что у М. Сметия на прорисовке четко читается имя божества в дательном падеже ΑΓΛΙΒΩΛΩ, как и позднее у Я. Спона, а не ΑΓΛΗΒΩΛΩ, как у У. Альдрованди и Ж.-Ж. Буассарда.

³⁹ Известно, что кардинал скончался 2 мая 1564 г., после мучительной болезни, не будучи способным ни есть, ни говорить в течение последних четырех месяцев. Знаменитый кулинар того времени Бартоломео Скаппи, личный повар Юлия III, Павла IV, Пия IV, Пия V и Григория XIII, автор книги «Секретная кухня папы Пия V», включавшей более 1000 рецептов, писал, что ди Карпи как-то просил его взять в ученики некоего Джаванни, а незадолго до смерти кардинала, в конце апреля, специально для больного он приготовил особый куриный отвар в качестве медицинского снадобья (Scappi, 2008, p. 97; 535; 545–546, *recipre* 21).

⁴⁰ Найденные недавно инвентарные списки экспонатов коллекции кардинала дают представление о рыночной стоимости шедевров античного искусства в то время. В среднем, скульптуры в хорошей сохранности были оценены в 100–120 эскудо. Греческо-пальмирский барельеф был оценен в 15 эскудо (Eiche, 1986, p. 130–131, *doc. V*).

⁴¹ Рукопись «Дневника» была впервые опубликована в 1774 г., через 180 лет после смерти философа. Широкому читателю текст «Дневника» почти неизвестен, переводов на русский язык, кажется, пока нет. Предлагаемый отрывок переведен с первого издания, с учетом предложенных комментариев М. de Querlon (Montagne, 1774, p. 55–58) и корректур L. Lautrey (Montagne, 1909, p. 263–264).

⁴² Изд. 1774 г. — «*comme à visiter* — (какое-нибудь занятие), такое как посещать», 1909 г. — «*visiter* — посещать».

⁴³ Скобки только у L. Lautrey до слов — «*qui n'aient guiere*».

⁴⁴ У L. Lautrey — «*j'ai aprins*».

en tirent des graces inimitables à nos lieux pleins, & se prævalent très-artificielement de cete diversité. Entre les plus beles sont celes des Cardinaus d'Este, à *Monte-Cavallo*; Farnèse, *al Palatino*; Ursino, Sforza, Medicis; cele du Pape Jule; cele de *Madama*; les jardins de Farnèse, & (du) Cardinal Riario à *Transtevere*; de Cesio, *fuora della porta del populo*. Ce sont beautés ouvertes à quiconque s'en veut servir, & à quoi que ce soit, fut ce à y dormir & en compaigne⁴⁵, si les maîtres n'y sont, qui n'aiment guiere⁴⁶): ou aller ouïr des sermons, de quoi il y en a en tout tamps, ou des disputes de Theologie; ou encore parfois, quelque fame des publiques, où j'ai trouvé cet'incommodité, qu'elles vaudent aussi cher la simple conversation (qui étoit ce que j'y cherchois, pour les ouïr deviser & participer à leurs subtilités,) & en sont autant espargnantes que de la negociation entiere. Tous ces amusemans m'ambesouignoient⁴⁷ assés: de melancholie, qui est ma mort, & de chagrin, je n'en avois nul'occasion, ny dedans ny hors la maison. C'est ein-sin, une plesante demure, & puis argumanter par-là, si j'eusse goûté Rome plus privémant, combien elle m'eût agréé; car, en verité, quoique j'y aye employé d'art & de souin, je ne l'ai connue que par son visage publique, & qu'elle offre au plus chetif estrangier».

«... Там у меня всегда было какое-нибудь занятие, если и не столь приятное, как я бы того желал, то по крайней мере достаточное, чтобы разогнать скуку: такое, как посещать античные древности, виноградники, которые представляют собой сады и места для удовольствия, особенной красоты (и именно там я понял, какую службу может сослужить искусство на вершине неровной, гористой и несоразмерной местности; ибо они (сады и виноградники) приобретают очарование, недоступное на наших плоских равнинах, и выделяются, весьма искусно, в этом разнообразии. Среди самых красивых те, что принадлежат кардиналам д'Эсте на Монте Кавалло, Фарнезе аль Палатине, Урсино, Сфорца, Медичи; [а также] те, которые принадлежат папе Юлию, Мадама, сады Фарнезе, кардиналу Риарио в Транстевере, [кардиналу] Сеси, за воротами Порто-дель-Пополо⁴⁸. Это красоты, открытые для любого — кому что захочется, хоть переночевать там, одному или с компанией, если хозяев нет на месте, которые почти и не ездят туда), или пойти послушать проповеди, звучащие там постоянно, или диспуты по теологии, или, иногда, еще уличных женщин, где я испытал такое неудобство: они продают простую беседу (т.е. то, что я там искал, — послушать их разговоры и посмотреть на их ужимки) так дорого и при этом так упорно торгуются, как будто от них требуют что-то большее. Все эти развлечения достаточно отвлекли меня от меланхолии, которая есть моя смерть, и от тоски. Для них не было ни одного случая: ни в помещении, ни на улице. И это также приятное место для проживания. Как аргумент можно добавить, что если бы я познавал Рим более фривольно, то насколько бы он мне еще понравился, ибо, по правде говоря, я вел себя там достойно и осмотрительно и поэтому познакомился только с общественной жизнью города, которая предлагается самому робкому иностранцу».

⁴⁵ У L. Lautrey вместо «en compaignie — с возлюбленной» — «en compaignie — с компанией (друзей)». У M. de Querlon в примечании: «C'est-à-dire, même en la compaignie d'une femme, d'une courtisante, ou de toute autre espèce — т.е. в компании с женщиной, куртизанкой или любой другой особой».

⁴⁶ У L. Lautrey вместо «qui n'aiment guiere — которые совсем не любят» — «qui n'y vont guiere — которые туда совсем не ездят».

⁴⁷ Ср. здесь «amusemans m'ambesouignoient» и в «Опытах»: «embesongner — occuper beaucoup», «ambesouigner — occuper à. Verbe de la vieille langue, qui ne se rencontre que dans Montaigne, au XVI siècle (глагол старого языка, который встречается только у Монтеня, в XVI веке)» (Voizard, 1885, p. 208; 235).

⁴⁸ Порто-дель-Пополо, первоначально — Фламиниевы ворота. Новое название по имени церкви Санта-Мария-дель-Пополо.

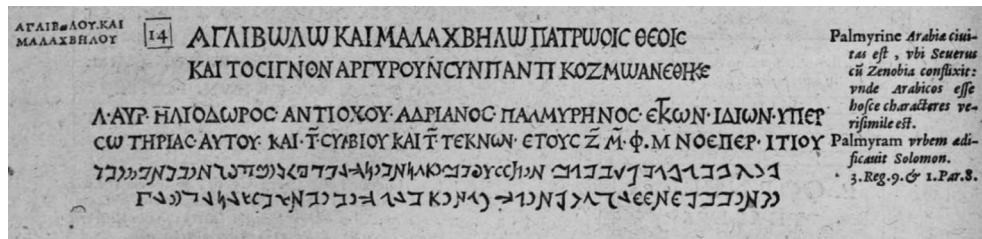

Рис. 12.

Греческо-пальмирский текст (фрагмент, Pl. XXXII)

М. Монтень, как видим, упоминает мимоходом кардинала А. Сфорца, а не ди Карпи. Однако память о последнем, безусловно, в Риме сохранялась. Так, в других мемуарах рубежа XVI и XVII вв. неизвестный по имени английский путешественник ошибочно указывает на кардинала ди Карпи как на бывшего владельца сада у папского дворца на Квиринале⁴⁹:

«Then go to *Monte Cavallo*, where is the marvelous fair Palace, and Garden of the Cardinal *Carpi*, now the Pope's; if you desire to see the same, address yourself to the Gardener, who will shew you every Particular in Order, the Palace being set out with admirable fair Rooms, and Chambers richly adorned with Tables of precious Stone and Hangings of wrought Gold and Silver; in the Garden are many strange Antiquities, most delightful to behold» — «Затем сходи к *Монте Кавалло*, где находится изумительно красивый дворец и сад кардинала Карпи, сейчас принадлежащий папе; если ты желаешь посмотреть на это, обратись к садовнику, и он покажет тебе все в подробностях по порядку: дворец, состоящий из удивительно прекрасных комнат, и залы, богато украшенные столами из драгоценных камней и настенной драпировкой, отделанной золотом и серебром; в саду много необыкновенных античных вещей, восхитительнейших на вид»⁵⁰.

Обратим внимание на то, что для посещения дворца папы достаточно было согласия простого садовника, чего нельзя было помыслить несколько десятилетий назад даже в отношении виллы «простого» кардинала. Очевидно, что новые хозяева Квиринала так же не жаловали тогда свои дворцы на Монте Кавалло, как и во время посещения Рима М. Монтенем (*qui n'aiment guiere/qui n'y vont guiere!*).

Ситуация несколько изменилась в следующем столетии. В 1625 г. наследники кардинала А. Сфорца из-за финансовых проблем продали здание и прилегающий к нему парк кардиналу Франческо Барберини (*Francesco Barberini*, 1597–1679), племяннику Маттео Барберини (папа Урбан VIII, 1623–1644). Неудачливый дипломат, но широкой души и щедрости человек, ценитель искусств, Ф. Барберини через год, передав права собственности на виллу брату Таддео, приступает к полной перестройке здания. Перед лучшими архитекторами Италии того времени — Джанлоренцо Бернини, Карло Мадерно и Франческо Борромини — была поставлена задача возвести дворец и разбить парк, достойный богатства и могущества рода Барберини. Закон-

⁴⁹ Этот сад был выкуплен Сикстом VI у кардинала д'Эсте вместе с виллой, а сад ди Карпи, как отмечалось выше, отошел вместе с находившейся в нем виллой кардиналу А. Сфорца, а позднее семейству Барберини.

⁵⁰ True Description, 1745, p. 29. См. также: Steinhouse, 2005, p. 415, 434 (но там неточная ссылка: 1810, p. 30).

ченный к 1633 г. помпезный дворец в стиле барокко (по мнению некоторых, в стиле маньеризма) значительно повлиял на архитектурный и садово-парковый ландшафт Монте Кавалло, но при этом его хозяева сохранили атмосферу покровительства и великодушия, бытовавших здесь при жизни кардинала ди Карпи. Дворец Барберини вновь стал «приютом, убежищем и гаванью» многих ученых, поэтов, писателей, художников и антикваров со всей Европы. Среди гостей Барберини были Джон Милтон, знаменитый английский поэт и мыслитель, и Бенедетто Кастели, физик-гидравлик и математик, ученик и друг Г. Галилея. Сам Ф. Барберини являлся членом национальной Академии естественных наук (*Accademia dei Lincei* — «Академия рысьеглазых»). Богатейшая библиотека дворца, вошедшая позднее в состав книжного фонда Ватикана и включавшая в себя тысячи редких первопечатных книг и рукописей на разных языках, пополнялась книжными новинками современных авторов, а коллекция картин богатели работами таких мастеров, как Никола Пуссен, который пользовался особым покровительством хозяина дворца вплоть до конца своей жизни, Пьетро да Кортона, Артемизия Джентилески и др. Часто залы и парк дворца становились театральными подмостками. По сей день во дворце, ныне Национальной галерее античного (классического) искусства (*Galleria Nazionale d'Arte Antica*), хранятся работы Караваджо, Гольбейна, Рафаэля, Пуссена, Тинторетто, Тициана, Рубенса, Мурильо и других художников. Можно не сомневаться, что кардинал Родольфо Пио ди Карпи был бы рад такой счастливой судьбе своего детища — *vigna di Carpi a Monte Cavallo*⁵¹.

Совсем иная судьба постигла соседние виллы-виноградники, которые бесследно исчезли, уступив место как огромному папскому дворцу с обширным, спрятанным от публики внутренним садом, ставшему волею истории «золотой клеткой» временщиков на троне в тиарах и коронах на несколько столетий⁵², так и беспорядочным застройкам быстро растущего города.

⁵¹ Кардинал похоронен в церкви Тринита-деи-Монти (Trinità dei Monti, иначе Santissima Trinità al Monte Pincio), на вершине Испанской лестницы в Риме. Надгробный памятник был сооружен по приказу Пия V. На нем высечена такая надпись: «QVI. DORMIVNT. IN TERRÆ. PVLVERE. EVIGILABVNT. RODOLFO. PIO. CARD. CARPEN. PRINCIPI. SENAT. AMPLISS. ECC. DEI. MVNERIBVS. SINGVLARI. PRVDENTIA. PERFVNCTO. IVRIS. ECCLESIASTICI. DEFENSORI. A. GRATIA. TERRORE. VOLVPTATV. ILLECEBRIS. ET. ADVERSIS. CASIVS. ÆQVE. INVICTO. AD. BENEFICENTIAM. NATO. IN. SVMA. GRAVITATE. IVCVNDISS».

⁵² В 1583 г. на холме было начато строительство дворца для папы Григория XIII (1572–1585). Следует отметить, что выбор этого места был вызван не столько эстетическими причинами, сколько практически. Жители Рима, в том числе и обитатели Ватикана, сильно страдали от малярии, рассадником которых были Понтийские болота, расположенные юго-западнее города. После смерти Григория XIII следующий папа, Сикст V, принял решение приобрести новый дворец в пользу церкви, в том числе и для того, чтобы оправдать непомерные для папской казны расходы на строительство своим предшественником. В последние годы дворец стал официальной резиденцией римских пап и местом проведения конклавов (1823, 1829, 1831 и 1846 гг.). Небольшой перерыв имел место в 1811–1813 гг., когда Наполеон объявил его императорским дворцом. С 1871 г. дворец перешел в собственность итальянских королей, хотя Виктор Эммануил III (1900–1946), последний король Италии, занимая лишь первые этажи дворцового комплекса, предпочитал жить на своей родовой вилле Савойя. В ходе Второй мировой войны здание дворца было отдано под военный госпиталь. Ныне там располагается резиденция президента Итальянской Республики — Квиринальный дворец. Добавим, что известная конная группа, давшая название всему холму, во время активной градостроительной кампании папы Сикста V (1585–1590) была перенесена от входа в термы Константина, находившиеся неподалеку, на площадь перед этим дворцом — *Piazza del Quirinale*, и является ее главным украшением в наши дни. Сами термы, точнее значительная часть их руин, были снесены в конце XIX в. при прокладке улицы *Via Nazionale*. К слову, по решению этого же папы многочисленные египетские обелиски, доставленные в Рим еще во времена римских императоров и валявшиеся около руин храмов и дворцов несколько столетий, были отреставрированы и установлены как центральный декоративный элемент на некоторых площадях города.

А в это время, в другом районе Рима, во дворце Маттеи, хранилась вторая, не менее интересная латинско-пальмирская билингва, высеченная на двух сторонах алтаря. История алтаря, как и обстоятельства его появления в Риме неизвестны. Прорисовку латинского текста впервые сделал в середине XVI в. Стефан Пигий (*Stephanus Winandus Pighius*, 1520–1604), секретарь кардинала Марчелло Червини (папа Марцелл II, 1555) и, позднее, библиотекарь в Брюсселе кардинала Антуана Перренота де Гранвелла. Опираясь на рукопись С. Пигия, Я. Грутер воспроизвел латинский текст этой билингвы в своем сборнике «*Inscriptionum Romanarum corpus*» без каких-либо указаний на существование западносемитской версии надписи. Впервые ориенталисты Европы обратят внимание на пальмирский текст этой билингвы лишь спустя много десятилетий — рисунки алтаря, а также прорисовка пальмирского текста будут сделаны Я. Спеном лишь в 1683 и 1685 гг. К сожалению, эти рисунки окажутся недостаточно качественными. Удовлетворительную прорисовку текста и рисунок всего алтаря в середине XIX в. предложит Ф. Лайард, но к тому времени пальмирское письмо будет уже хорошо изучено. Тем не менее эта билингва займет свое почетное место в поздних работах по западносемитской эпиграфике в Европе⁵³.

P.S. Задолго до того, как просвещенная Европа «увидела» эти два памятника в работах Я. Спона (рисунки алтаря и барельефа), оба их текста на пальмирском языке удивительным образом встретились вместе через сорок-тридцать лет после появления сборников Ю. Липсия и Я. Грутера. Это произошло во Франции, в г. Экс-ан-Прованс, в доме Никола-Клода Фабри де Пейреска, чьим, между прочим, другом и всегда желанным гостем в те годы был кардинал Франческо Барберини. Хозяин этого гостеприимного дома на юге Франции не только в свое время скопировал в Риме латинско-пальмирский текст на алтаре (о чем ранее было неизвестно), но и, вполне вероятно, предпринимал попытки дешифровать ее западносемитскую часть, полагая, что она написана на финикийском языке. Впрочем, сделать это ему не удалось, как не удалось и его доброму другу Самюэлю Пети. Но это уже следующая глава «Истории северо-семитской эпиграфики».

Литература

- Adams A.* Webs of Allusion: French Protestant Emblem Books of the Sixteenth Century. Genève, 2003.
- Aldrovandi U.* in: Mauro Lucio, Le antichità della città di Roma. Brevissimamente raccolte da chiunque ha scritto, o antico, o moderno; per Lucio Mauro. Appresso, tutte le Statue antiche, che in Roma in diversi luoghi, e case particolari si veggono, raccolte e descritte per M. Ulisse Aldrovandi. Venetia, 1562.
- Almagro A.G.* A Portuguese Contribution to 16th Century Roman Antiquarianism: The Case of Aquiles Estaço (1524–1581) // Portuguese Humanism and the Republic of Letters. Eds. M. Barbara, K.A.E. Enenkel. Leiden, 2012. P. 353–372.
- Almagro A.G.* La colección epigráfica romana del cardinal Rodolfo Pio da Carpi en las notas de Aquiles Estaço: datos para el coleccionismo anticuario en la Roma del siglo xvi // Sylloge Epigraphica Barcinonensis (SEBarc) VII, 2009. P. 127–142.
- Bergenroth G. (ed.)*. Calendar of Letters, Dispatches, and State Papers, Relating to the Negotiations between England and Spain, Preserved in the Archives at Simancas and Elsewhere. Vol. II. L., 1866.
- Bergmans P.* L'autobiographie de Juste Lipse // Messenger des sciences historiques de Belgique, 63. Gand, 1889. P. 133–157.

⁵³ Подробнее об истории алтаря и его иконографии: Lajard, 1854, p. 13–20. См. также комментарий CIL VI, 1. Index actorum L, note XXXVIII.

- Biographie universelle, ou Dictionnaire historique. Nouvelle édition.* Ed. M. Weiss. P., 1841.
- Boissard J.-J. Romanae Urbis Topographia & Antiquitates.* 6 Bde. Frankfurt a.M., 1597–1602.
- Carrara E. La nascita della descrizione antiquaria // Annali della scuola normale superiore di Pisa.* Serie IV, quaderni, 2. Pisa, 1998. P. 31–51.
- Castan A. Jean-Jacques Boissard, Poète Latin, Dessinateur et Antiquaire, Enfant de Besançon et Citoyen de Metz // Mémoires de la Société d'émulation du Doubs.* 4-ème série, nouvelle volume. 1874. Besançon, 1875. P. 65–91.
- Coffin D. The Villa in the Life of Renaissance Rome // Monographs in Art and Archaeology XLIII.* Princeton, N.J., 1979.
- Davies (ed.). Ulisse Aldrovandi: "Les Antiquités de la cité de Rome" (1562), hrsg. und eingeleitet von M.D. Davis. Fontes, 2009.*
- Eiche S. Cardinal Giulio della Rovere and the Vigna Carpi // Journal of the Society of Architectural Historians.* Vol. 45, No. 2 (Jun., 1986). P. 115–133.
- Findlen P. Possessing Nature: Museums, Collecting, and Scientific Culture in Early Modern Italy // University of California Press, Berkeley–London: Studies on the History of Society and Culture Series, v. 20. Berkeley–London, 1994.*
- Fragno G. Cardinals' Courts in Sixteenth-Century Rome // Journal of Modern History 65, 1993.* P. 26–56.
- Geffroy A. L'Album de Pierre Jacques de Reims. Dessins inédits d'après les marbres antiques conservés à Rome au XVIe siècle // Mélanges d'archéologie et d'histoire.* T. 10, 1890. P. 150–215.
- Gordon R. Interpreting Mithras in the Late Renaissance, 1: the 'Monument of Ottaviano Zeno' (V. 335) in Antonio Lafreri's *Speculum Romanae magnificentiae* (1564) // Electronic Journal of Mithraic Studies 4, 2004. P. 1–42.*
- Hülsen Ch. Römische Antikengärten des XVI. Jahrhunderts, 1917.*
- Hülsen Ch. Un nouveau recueil manuscrit de Jean-Jacques Boissard // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.* 49e année, No. 5, 1905. P. 544–555.
- Ijsewijn J. Achilles Status, a Portuguese Latin Poet in Late 16th Century Rome // Congresso Internazionale sobre Humanismo Português na Época dos Descobrimentos.* Coimbra, 1991. *Humanitas*, № 43–44, 1991–1992. P. 109–123.
- Lajard F. Recherche sur le culte du cypres pyramidal chez les peuples civilisés de l'antiquité // Mémoires de l'Institut de France. Académie des inscriptions et belles-lettres.* Tome vingtième. P., 1854.
- Lanciani R. Pagan and Christian Rome.* L., 1892.
- Lanciani R. Storia degli scavi di Roma.* 7 vols. Roma, 1902–1912.
- Lidzbarski M. Handbuch der nordsemitischen Epigraphik nebst ausgewählten Inschriften. I. Teil: Text.* Weimar, 1898 (Nachdruck: Georg Olms, Hildesheim, 1962).
- Lipsius I. Ivsti Lipsi Epistolarvm Selectarvm Centvria Tertia. Miscellanea.* Antverpiæ, 1605.
- Lipsius I. Ivsti Lipsii Variarum lectionum libri III ad illustrissimum et amplissimum Antonium Perrenot um, S.R.E. Cardinalem. Ex officina Christophorim Plantini.* Antverpiæ, 1569.
- Maier J. Roma Renascens: Sixteenth-century Maps of the Eternal City // Rome: Continuing Encounters between Past and Present.* Eds. L. Caldwell, D. Caldwell. Ashgate Publishing Company, 2011. P. 35–55.
- Mansi G. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio.* Ed. G.M. Mansi. Vol. XXXII. P., 1947.
- Mauro L. Le antichità de la città di Roma.* Venetia, 1556.
- Montaigne M. Journal de Voyage.* Publié par Louis Lautrey. P., 1909.
- Montaigne M. Journal du voyage de Michel de Montaigne en Italie par la Suisse & l'Allemagne en 1580 & 1581. Édition par Meusnier de Querlon du journal rédigé en route et non repris par Montaigne.* Rome–Paris, 1774.
- Nuova raccolta delle principali vedute Antiche e Moderne dell'alma città di Romae sue vicinanze.* Roma, 1826.
- Oestreich G., Mout N. Antiker Geist und moderner Staat bei Justus Lipsius (1547–1606): der Neostoizismus als politische Bewegung.* Göttingen, 1989.
- Olin J.C. The Catholic Reformation: Savonarola to Ignatius Loyola.* N. Y., 1969.

- Papy J.* Far and Away? Japan, China, and Egypt, and the Ruins of Ancient Rome in Justus Lipsius's Intellectual Journey // *Antiquarianism and Intellectual Life in Europe and China, 1500–1800*. Eds. P.N. Miller, F. Louis. The University of Michigan Press, 2012. P. 81–102.
- Papy J.* Justus Lipsius as Translator of Greek Epigrams // *Humanistica Lovaniensia. Journal of Neo-Latin Studies*. Vol. XLII-1993. Leuven, 1993. P. 274–284.
- Pastor L.* The History of the Popes. Vol. VIII–IX. L., 1908–10.
- Pereira F.B.* As Orações de Obediência de Aquiles Estaço // *Textos Humanísticos 9*. Coimbra, 1991.
- Pouille B.* Rome vue par l'humaniste Jean-Jacques Boissard (1528–1602) // *Roma illustrate*. P. Fleury, O. Desbordes (dir.). Caen, 2008. P. 365–376.
- Principles of letter-writing: a bilingual text of Justus Lipsii Epistolica institution*. Edited and translated by R.V. Young and M. Thomas Hester. Carbondale, 1996.
- Ruysschaert J.* Le séjour de Juste Lipse à Rome // *Bulletin de l'Institut historique belge de Rome*, 24. Rome, 1947–48. P. 139–192.
- Scappi B.* The Opera of Bartolomeo Scappi (1570): L'arte et prudenza d'un maestro Cuoco (The Art and Craft of a Master Cook). Translated with commentary by Terence Scully. Toronto, 2008.
- Smetius M.* *Inscriptionum antiquarum quae passim per Europam, liber*. Accessit auctarium a Iusto Lipsio. Lugdunum Batavorum, 1588.
- Spon J.* *Recherches curieuses d'antiquité: contenues en plusieurs dissertations, sur des médailles, bas-reliefs, statues, mosaïques, & inscriptions antiques*. Lyon, 1683.
- Steinhouse W.* Visitors, Display, and Reception in the Antiquity Collections of Late-Renaissance Rome // *Renaissance Quarterly*. Vol. 58, No. 2 (Summer) 2005. P. 397–434.
- Thevet A.* *La cosmographie universelle d'André Thevet, cosmographe du roi*. Illustrée de diverses figures des choses plus remarquables vues par l'Auteur, & incogneuës de noz anciens & modernes. Vol. II. Paris, 1575.
- Tribout de Morembert H.* Les Années messines de Jean-Jacques Boissard, archéologue et humaniste, 1559–1602 // *Mémoires de l'Académie nationale de Metz*. T. 10, 5-e série. Marly, 1967. P. 127–142.
- True Description and Direction of what is most worthy to be seen in all Italy (A)* // *The Harleian Miscellany or, a Collection of Scarce, Curious, and Entertaining Pamphlets and Tracts, as well in Manuscripts as in Print, Found in the late Earl of Oxford's Library*. Interspersed with Historical, Political, and Critical Notes. Vol. V. London, 1745. P. 1–39.
- Valère André*. *Bibliotheca Belgica*. Louvain, 1643.
- Verbogen J.* Martinus Smetius et Angelo Colocci. Une collection romaine d'inscriptions antiques au XVI siècle // *Humanistica Lovaniensia. Journal of Neo-Latin Studies*. Volume XXXIV, A-1985. *Roma Humanistica. Studia in honorem Rev. Iosaei Ruysschaert*. Leuven, 1985. P. 255–272.
- Voizard E.* *Etude sur la langue de Montaigne* // *Archives de la linguistique française*, 403. Paris, 1885.
- Wicki J.* Rodolfo Pio da Carpi: erster und einziger Kardinalprotektor der Gesellschaft Jesu // *Saggi storici intorno al papato. Miscellanea Historiae Pontificiae*, XXI. Roma, 1959. P. 243–267.

Summary

M.M. Yunusov

**From the History of the Decipherment of West Semitic Writing:
Events and People.**

**(I) Palmyra Texts in Rome in the 16th Century:
the Cardinals-Patrons of the Arts and Scholars-Antiquarians**

This essay examines the earliest history of one Palmyrian (of the two) text on a marble relief published in Gruter's *Inscriptionum Romanarum* in 1616 (Pl. LXXXVI). In the middle of the 16th century that relief was preserved in the private collection of cardinal di Carpi and attracted much attention of some famous scholars and antiquarians. We present here several instances of visiting Carpi's collection by foreign scholars in order to highlight the first stages, the "pre-History", of deciphering Semitic writing in Europe.